

Цзян Шулюй сказал Тан Миню:

— Я могу позволить твоему папе щипать мне за уши всю жизнь.

Тан Минь обрадовался:

— О, это здорово!

Тан Юэ возмутился:

— Как ты так можешь?!

Тан Минь удивился:

— А что такого? Папа Шулюй сказал, что будет с тобой всю жизнь. Ты разве не рад?

Тан Юэ шмыгнул носом.

Тан Минь рассмеялся:

— Папа, слёзы льёшь — стыдно же!

Даже каштановая утка не смогла смягчить обиду Тан Юэ, которого только что «подставил» родной сын.

Хотя, конечно, обидой это назвать трудно — скорее, это было смущение от того, что его раскусили. По дороге домой он, прижимая к груди ещё горячую утку, жаловался Цзян Шулюю:

— Как же так! Сяо Ми меня больше не любит!

— Хотя... Это и моя вина. Все эти годы я ни разу не вывел его погулять. Я такой беспомощный... Недостойный отец.

— Зато те сахарные ваты выглядели так вкусно! Прошло всего несколько лет — а их видов стало столько!

— Да и вообще, я не каждый вечер щипаю за уши! Раньше, когда спал с третьим братом, он тоже ничего не говорил...

Цзян Шулюй никогда не знал, что Тан Юэ может быть таким многословным.

И при этом совершенно не раздражает.

Голос у него приятный, речь — милая по ритму, то и дело перебивается всхлипом или вздохом, после чего он снова продолжает говорить.

Цзян Шулюй даже не успевал вставить слово. Когда они вышли из машины, Тан Юэ остался у двери, ожидая, пока Цзян Шулюй вызовет лифт, и вдруг вспомнил:

— Мы ведь не купили продуктов?

Цзян Шулюй мгновенно понял его замысел.

— Хочешь сходить в супермаркет?

Тан Юэ засомневался:

— Боюсь папарацци. Кажется, нас уже сфотографировали, когда ты брал каштановую утку.

Цзян Шулюй спокойно ответил:

— Это, скорее всего, не папарацци.

Он взял Тан Юэ за руку и вошёл с ним в лифт:

— Максимум кто-то напишет, что случайно нас встретил.

Тан Юэ нахмурился:

— Кажется, интернет уже устал от нас. Мне самому стало скучно заходить в Вэйбо. Неужели кто-то купил для нас горячую тему?

Цзян Шулюй кивнул:

— Ты не смотрел групповой чат? Лю Сихао сказал, что купил одну.

Тан Юэ удивился:

— Зачем?!

Цзян Шулюй усмехнулся:

— Просто ради забавы. В следующий раз, когда у него появится роман, ты сможешь помочь ему продвинуть слух.

Тан Юэ не ожидал такого поворота.

Если отбросить прежние книжные представления о Цзян Шулюе и Лю Сихао, он вдруг осознал: между ними явно нет особой симпатии.

Скорее даже наоборот — они друг друга недолюбливают.

Тан Юэ осторожно спросил:

— Ты не любишь третьего брата?

Цзян Шулюй как раз прочитал сообщение от личного ассистента — продукты уже доставлены, — но, услышав вопрос, молча забрал из рук Тан Юэ каштановую утку.

Когда двери лифта открылись, он первым вышел.

Тан Юэ запнулся:

— Я... я не то имел в виду! Брат Шулюй, подожди меня!

Цзян Шулюй открыл дверь квартиры, подал Тан Юэ тапочки и, нагнувшись, чтобы развязать ему шнурки, произнёс:

— У меня никогда не было чувств к Лю Сихао.

— Разве ты не замечал, что нам с ним попросту не о чем разговаривать?

Тан Юэ растерялся:

— Но раньше ты тоже почти не разговаривал со мной...

Цзян Шулюй поставил утку в прихожей и, едва Тан Юэ переобулся, подхватил его на руки за талию.

Дверь захлопнулась. В квартире ещё не включили свет — было полумрачно.

Тан Юэ запротестовал:

— Разве мы не хотели поесть? Не надо меня обнимать!

Цзян Шулюй коротко ответил:

— Нет.

Он носил Тан Юэ по гостиной, прижав к себе, и спросил:

— А с кем у тебя есть о чём поговорить? С Яо Лисинем? Он слишком гладкий — всегда найдёт, как поддержать твою тему.

Тан Юэ заступился:

— Второй брат просто... очень отзывчивый человек.

Цзян Шулюй:

— А я? Я не отзывчив?

Тан Юэ никак не ожидал, что Цзян Шулюй сейчас начнёт ворошить старые обиды — и с такой обидой в голосе!

— Кто убрал последствия твоей аварии? Кто собрал и передал тебе все документы, подтверждающие твой нынешний статус?

Тан Юэ попытался возразить:

— Но...

Цзян Шулюй перебил:

— Кто сказал, что никогда не был в парке развлечений?

Тан Юэ:

— Я только...

Цзян Шулюй снова:

— Кто восхищался сумочкой-собачкой от ТПХ, но жаловался, что не может её купить?

Тан Юэ прошептал:

— Я не знал, что это ты купил.

Цзян Шулюй мягко усмехнулся:

— Потому что кто-то упорно отказывался принимать мои подарки, и мне пришлось попросить Линь-цзе сказать, что это от фанатов.

Любой чуть более внимательный человек давно бы заподозрил неладное.

Разве обычная компания способна арендовать на целый день мировой парк развлечений в городе S — да ещё и не для фан-активности, а просто для личного визита одного артиста?

Максимум потом выйдет vlog с совместной поездкой группы.

В своё время фанаты группы Away даже жаловались, что Тан Юэ получает слишком хорошее отношение — его день рождения отмечали совершенно иначе, чем дни рождения двух других участников.

Хотя по меркам индустрии все трое получали высший уровень заботы, но именно у Тан Юэ всё выглядело особенно трогательно и продуманно.

И сейчас этот масштаб остаётся неповторимым — спустя годы зрители всё ещё восхищаются видео и пишут: «Не зря же из-за них в своё время фанаты устроили миллионные споры в комментариях».

Позже, благодаря прямым эфирам реалити-шоу, фанаты постепенно раскопали правду: эта «неравномерность» исходила вовсе не от компании.

То, что другие участники принимали без возражений, было настолько открытым и бесспорным предпочтением, что никто и не спорил.

Младший брат был общим любимцем группы — и личной страстью одного человека.

Просто тогда CP-карта была настолько запутанной, что все упустили из виду эту единственную, настоящую привязанность.

Сейчас Тан Юэ мысленно поблагодарил судьбу, что в квартире ещё не включён свет — иначе он не знал бы, как смотреть Цзян Шулюю в глаза.

Он тихо спросил:

— Брат Шулюй... Ты тогда тоже меня любил?

Цзян Шулюй медленно ходил по комнате, держа его на руках — как будто гулял.

Тан Юэ обнял его за шею, и голос его слегка дрожал.

Цзян Шулюй ответил:

— Я понял слишком поздно.

И добавил:

— Поэтому сейчас, когда я говорю это... можно ли заслужить сочувствие у Сяо Юэ?

Раньше Цзян Шулюй никогда ни за что не боролся и никого не просил о чём-то.

Статус наследника семьи Цзян — не то, чего он хотел, но его настоящее неразрывно связано с прошлым воспитанием, и потому он всегда был внутренне противоречив.

Его никогда не критиковали за отсутствие активности — ведь в профессиональных вопросах он не знал себе равных.

Только Тан Юэ требовал от него инициативы.

Но любовь не знает логики. Стоит оказаться вместе — и сразу начинаешь перебирать прошлое, сожалея, что понял слишком поздно и упустил столько моментов.

Цзян Шулюй наклонил голову и прижался лбом к лбу Тан Юэ.

Одной рукой он сжал плечо Тан Юэ, другой — обхватил его талию. Даже сквозь одежду этого было достаточно, чтобы Тан Юэ потерял голову.

А уж когда их дыхания смешались на расстоянии в сантиметр — Тан Юэ отчётливо почувствовал, как Цзян Шулюй жаждет его.

Цзян Шулюй — не тот безупречный элитный образ, который видит публика. У него тоже есть уязвимость: он может беззвучно плакать в чердаке, где жил в детстве, хотя теперь там уже ничего не напоминает о прошлом.

Воспитание, вбитое в кости, не позволяло ему показывать слёзы — даже перед любимым человеком он закрывал тому глаза.

Но Тан Юэ — не просто любимый. В каком-то смысле он стал для Цзян Шулюя личным божеством-метеором: милосердно принял его слёзы, превратив рыдания в ещё более крепкие объятия.

Старый деревянный стул скрипел под ними, тени сплетались воедино.

Казалось, души тоже могут так переплетаться — до такой степени, что счастье становится жадным, и в этот миг хочется получить ещё больше милости от Тан Юэ.

Губы Тан Юэ коснулись уголка губ Цзян Шулюя. Он резко обхватил его шею и буквально повис на нём.

Среди прерывистого, смешанного дыхания он прошептал:

— Зачем просить?

— Я буду очень-очень тебя любить. И обращаться с тобой невероятно хорошо.

Цзян Шулюй приподнял его повыше, чтобы тому было удобнее обниматься, и почувствовал, как Тан Юэ мягко гладит его по спине.

Это было точь-в-точь то же движение, которым он сам успокаивал Тан Миня в машине.

Нежное. Полное особой теплоты.

Тан Юэ тихо сказал:

— Жаль, что мы не встретились раньше... Если бы мы росли вместе, тебя бы никто не обижал.

Цзян Шулюй усмехнулся:

— Серьёзно? Ты ведь сам говорил, что в школе все тебя игнорировали.

— Разве это не считается издевательством?

Тан Юэ возразил:

— Просто мне не хотелось с ними общаться. Я не люблю виртуальных идолов — какими бы крутыми они ни были, они не похожи на людей. Искусственный интеллект — это что за глупость?

Цзян Шулюй спросил:

— Значит, ты так любишь сцену?

Тан Юэ признался:

— Но когда там много людей... мне немного страшно.

Цзян Шулюй:

— А если придётся выходить на сцену одному и будет страшно — что тогда?

Тан Юэ наслаждался этой новой близостью — быть на руках у любимого казалось таким приятным. Он ответил:

— Но любовь к сцене сильнее страха.

Через несколько секунд он добавил:

— А любовь к Цзян Шулюю сильнее страха перед мадам Цзян.

Фраза прозвучала внезапно и, казалось бы, ни к месту — но Цзян Шулюй сразу понял, о чём речь.

Это был намёк на причину его появления два дня назад.

Любовь Тан Юэ внешне сдержанна — как весенний пруд.

Поверхность спокойна, но в глубине — движение. В сезон цветения трав и пения птиц, когда лепестки падают на воду, круги расходятся по поверхности — и каждый из них полон любви.

Пользователи до сих пор обсуждают появление Тан Юэ в тот день, удивляясь, как глубоко он всё это время прятался.

Но они не знали: для этого «пришельца» богатство и власть никогда не имели значения.

Тан Юэ тогда направился прямо к Цзян Шулюю — потому что у него наконец появилось право стоять рядом.

А не как много лет назад, когда он приходил в дом Цзян вместе с коллегами по группе и всё равно чувствовал себя второстепенным персонажем.

Но даже второстепенный герой может стать главным — в своём собственном мире.

Цзян Шулюй долго молчал. Тан Юэ потерся носом о его шею и тихо спросил:

— Устал держать? Тогда я слезу.

Цзян Шулюй ответил:

— Ещё немного подержу.

Тан Юэ рассмеялся:

— Ты ещё говоришь мне! Сам гораздо более прилипчивый.

Цзян Шулюй согласился:

— А на сколько мне можно прилипнуть?

Тан Юэ прижался к нему:

— На столько, на сколько захочешь.

Он обнял Цзян Шулюя за плечи:

— Только в холодильнике, кажется, совсем нет еды. Завтра мне на работу, так что, может, завтра мы...

Он не договорил — его губы были мягко прикрыты.

Через несколько десятков секунд, запыхавшись, он прошептал:

— Брат... Ты хочешь сначала съесть меня?

Цзян Шулюй спросил:

— Ты голоден? Мы можем сначала поесть горшочек с огоньком.

Тан Юэ покачал головой:

— Я хочу проглотить тебя целиком.

—

«Похищение»

Тан Юэ получил звонок от своего маленького сына, ученика начальной школы, Тан Миня.

Тот сообщил, что его похитили.

Тан Юэ испугался и уже собирался звонить в полицию,

но Тан Минь добавил:

— Этот дядя хочет с тобой поговорить.

С того конца провода раздалось лишь одно слово: «Hello» —

и Тан Юэ заплакал.

Он как раз записывал песню в студии. Ассистент, заметив, что с ним что-то не так, сразу позвонил Цзян Шулюю.

Когда Цзян Шулюй приехал, Тан Юэ уже собирался выходить.

Тан Юэ протянул ему листок:

— Мне нужно сюда.

Адрес указывал на фруктовый сад на окраине города S.

Цзян Шулюй нахмурился:

— Что случилось?

Тан Юэ ответил с серьёзным лицом:

— Сяо Ми похитили.

Цзян Шулюй вздрогнул:

— Что?!

Тан Юэ пояснил:

— Инопланетяне.

Цзян Шулюй не сдержал улыбки:

— Разве ты сам не инопланетянин?

Тан Юэ важно заявил:

— Я уже адаптировался к земным условиям.

Тем временем Тан Минь оббежал вокруг «похитителя» — молодого человека — несколько кругов и восхищённо воскликнул «Ух!» раз десять.

Молодой человек спросил:

— Ну что, заметил разницу?

Тан Минь:

— Во всём!

Рядом стоявший «частный охранник в образе богача» не выдержал и рассмеялся.

Тан Юэ (громко):

— Ты чего смеёшься?! Ещё раз — и лишу премии!

<http://bllate.org/book/16057/1605967>